

П.К. ГРЕЧКО

СОЦИАЛЬНОЕ: ДИСПОЗИЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В структуре (человеческой) деятельности различимы две составляющие: объектная (объективная) и субъектная (субъективная). Ни то, ни другое социальное как таковое не производят. Объект способен его лишь поддерживать («носить»), формально (дизайн, форма) и функционально выражать. Субъект дает ему физическую (телесную) и психическую энергию. Исходно, т.е. от природы, он другими ресурсами и не располагает. При такой «начинке» субъекта к социальному не имеет прямого отношения и субъект-объектное взаимодействие.

Отсчет исходности субъекта мы ведем «от природы», и на то есть причина, а именно — стремление избежать порочного круга: человеческая определенность деятельности невозможна вне социальной среды, т.е. без того или иного погружения в социальное, независимое толкование которого мы как раз и пытаемся дать. Похоже, совсем уйти от общественно-человеческого круга (еще совсем недавно его пытались сдобрить, если не снять, марксистско-ленинской диалектикой) в социально-гуманитарном познании нельзя, но искать асимметричный разрыв — как переход на продолжающий жизнь виток (новый круг) все-таки нужно. Перспектива у такой позиции вполне просматривается — это понимание эволюции социального как движения от одного конкретно-исторического круга (общественное — человеческое) к другому.

В любом случае важно не упускать из виду, что перед нами не просто деятельность, а человеческая (нормативно-целеполагающая, сознательно-целесообразная) деятельность. Вместе с человеческой определенностью у субъекта деятельности появляется еще один — интеллектуальный, умственный ресурс. В ситуации человеческой деятельности он на самом деле ресурс первый, первейший. Не требуется особых рассуждений (имеющаяся на сегодня исследовательская литература это подтверждает), чтобы понять: субъект сам по себе выработать такой ресурс не может. Он — продукт бытия «с другими» и «среди других». Только в среде себе подоб-

ных, в отношении-общении с другими человек приобретает, закрепляет и развивает способность мыслить и творить. Случаи воспитания и жизни человеческих детенышей среди животных (волков, обезьян), так называемых маугли, полностью это подтверждают.

Учитывая сказанное, можно, полагаем, настаивать на том, что социальное, в первом приближении, представлено многообразными отношениями между субъектами. Движением от деятельности и составляющих ее действий к отношениям фиксируется то немаловажное обстоятельство, что социальное развитие зависит не только (а может быть, и не столько) от деятельности как таковой — это просто вид энергии, но и от того, какие люди в нее, эту деятельность, вступают. Кроме того, через это движение — в переходе именно к отношениям, нарастает потенциал общезначимости или интерсубъективности. При этом нужно отметить, что действия и деятельность не отменяются и никуда не исчезают, смещается просто точка или исток детерминации — на отношения как таковые.

Но вернемся к субъектам, вступающим в отношения, к субъектам, как мы только что установили, человеческим. Важно подчеркнуть: человеческое возникает и атрибутируется им (субъектам) в самом процессе, ситуационном существовании или бытовании этих отношений, в той или иной связи с миром объектов («внешней реальностью») — этого тоже забывать нельзя. В противном случае социальное нельзя было бы рассматривать в качестве вполне встраиваемой (составной) части природно-космического мира. Да и деятельностная ситуация лишилась бы одного из своих фундамирующих или стабилизирующих факторов.

Отношения, поскольку в них участвуют субъекты — существа не только принимающие, но и отвечающие (прямая и обратная связь), суть взаимоотношения. Социальное поэтому оказывается неким континуумом человеческих взаимоотношений. Важно при этом зафиксировать следующее: социальное растет не из отношений самих по себе (они могут быть и чисто физическими, а точнее — психофизическими), а из того, что делает их именно *взаимо*-отношениями. Впрочем, можно заметить, что «чистой физики» в бытии человека (именно как человека — человеческого) не бывает: даже факт дыхания несет в себе определенный экзистенциальный смысл: «Я (все еще) живу» или «Не дождетесь...»

Итак, социальное есть пространство взаимного отношения, взаимного присутствия, взаимности. Теперь, по логике вещей, нам предстоит выяснить, что собой представляет, на чем конкретно строится, утверждается, держится это самое *взаимо*. Сразу же заметим, что оно касается ни индивидуальных клеток каких-то общественных органов или тел, ни биологических особей и их инстинктов, а — субъектов, т.е. персон, лиц, наделенных

сознанием и волей, способных творить, проявлять инициативу, создавать новое. Относительно чего, применительно к какой предметности они могут быть взаимными? Видимо, относительно того, что сознанием, подкрепленным волевой решимостью, производится, — относительно каких-то знаний, целей, норм, идеалов и прочих культурных ценностей.

Ясно, что мы «читаем» проблему социального не по Марксу, а по Максусу — Веберу, конечно. Последний убедительно показал, что все в нашей жизни начинается с головы, а не с желудка, т.е. экономики, что, в частности, капитализм исторически рос не с первоначального накопления капитала, а с духа капитализма. Только впустив этот дух (соответствующие смысловые ценности) в свое сознание, Европа смогла выйти (пусть не сразу — на все требуется время) на цивилизованный рынок и капитализм с человеческим лицом. Хотя не исключено, что обрисованного нами противостояния в жизни так никогда и не было. И Маркс начинал с призрака (коммунизма), который неприкаянно бродил по Европе. Если верить Ж. Дерриде, то без призраков в социально-гуманитарном познании вообще не обойтись. Прибегая к другой терминологии, обсуждаемую здесь методологическую позицию можно выразить и так: социальное воспроизводит себя (в конечном счете — это подчеркнем) не как труд, а как язык и мышление, причем континуально взятые, как язык-и-мышление. Собственно человеческое всегда ценностно-смысловое. Что до экономического, то оно напрямую соотносено лишь с материальной стороной жизни человека, по сути — с его физическим существованием. Впрочем, в материально-экономическом тоже есть ценностно-смысловое. Творчество — его другое наименование. На него, а не на инструментальную производительность, практическую эффективность и нужно в перспективе ориентироваться.

Переориентация с Маркса на Макса — отнюдь не дело вкуса или личного предпочтения автора, хотя есть здесь и таковое. По большому счету, это — веление времени, его современных тенденций. «...Культурные факторы неуклонно становятся все *более и более важным* компонентом повседневного опыта по мере нашего перехода от «общества дефицита», где экономическая необходимость втискивает поведение человека в довольно узкие рамки, к миру, в котором человеческий фактор будет играть все более и более заметную роль по сравнению с внешней средой, открывая расширенный спектр возможностей для индивидуального выбора»¹. Чем дальше, тем больше различия между людьми и народами будут опреде-

¹ Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 269.

ляться не экономическими, политическими или идеологическими, а духовно-культурными факторами. Вообще-то это «чем дальше, тем больше» можно сегодня и уточнить. С определенного исторического момента, назовем его, вслед за Р. Инглегартом, порогом гарантированной экзистенциальной безопасности, или достаточно высоким уровнем материального благополучия, культурно-ценностные ресурсы становятся определяющими². Определяющими — значит положительно стимулирующими, собственно развивающими (в современном — стабильном и безопасном понимании этого процесса). Там же, где такого благополучия явно не хватает или вовсе нет, ценности выполняют компенсаторную функцию — помогают сводить концы с концами, выживать.

Видя в ценностных ориентациях конечную причину социального, т.е. всех — экономических, политических и собственно (отдельная сфера общественной жизни) социальных изменений, мы, тем не менее, не считаем себя сторонниками культурного детерминизма. Детерминизм — любой, в том числе и культурный, страдает линейностью и причинно-следственной равновесностью. Мы же настаиваем на том, что ценности испытывают обратное формирующее влияние со стороны того, что они исходно ориентируют, а именно указанных выше изменений. В этом плане они сами — разновидность социальных (в широком, социумном смысле) изменений. Можно даже ставить вопрос о взаимозависимости и взаимодополнительности всех этих изменений, но только с одним условием — признавая, что именно ценности выполняют здесь роль толчка, «спускового крючка», разрывающего «порочный круг» взаимности.

Еще одно уточнение — на этот раз в свете первичных и вторичных смысловых конструкторов А. Шюца. Под субъектом взаимоотношения как первокирпичика социального, социальности мы понимаем (и берем) прежде всего человека жизни, а не человека науки. Потому, во-первых, что человек жизни основательнее («начальнее») — и не только в эволюционном плане — человека науки, и потому, во-вторых, что человек науки из жизненной стихии тоже никогда не выпадает. И менталитетом, и культурой (общей — не профессиональной), и социальной микросредой он к ней накрепко привязан. Можно сказать даже так: сознание человека прежде всего и главным образом «сознание практическое», а не теоретико-рефлексивное или рационально-рассудочное. Взаимоотношения лю-

² Более того, в ситуации материального благополучия наблюдается то, что Инглегарт называет убывающим приращением пользы, а мы квалифицируем как уменьшение ценностно-смысловой отдачи от сугубо или концентрированно экономического роста. Потребительский гедонизм последнего скуден на смысл и ведет, по сути, в никуда.

дей науки – особый класс или функциональный сегмент социального. У них, как специалистов в своих областях, с *взаимо* особых проблем не возникает. Научный дискурс, если только он действительно научный, а не политкорректный или дипломатически-вежливый, работает, в конечном счете, на сближение выставляемых различий, на их когнитивную солидарность.

Культурные ценности, относительно которых люди могут быть «взаимными», вносят смысл (смыслы) в то, что они (люди) делают, как живут, к чему стремятся. И это делает из социального некое смысло-означенное бытие, поле, пропитанное, насыщенное смыслом. Смысл, смыслы здесь – не просто форма, в которой социальное открывается для меня как познающего существа, а идеально-идейный компонент его, социального, содержания, интегральная составная часть социальности как таковой. Скажем больше, – часть совершенно необходимая. Без нее мир социального становится нечеловеческой (и бесчеловечной) реальностью. Овеществляется, фетишизируется и повисает над нами каким-то отчужденно-ребристым каркасом, непонятным и пугающим одновременно. По справедливому утверждению В.И. Молчанова, «мир, “в” котором мы живем, “состоит” из значимостей, из того, что для нас “имеет значение”. Даже если нечто “не имеет для нас значения”, то это тоже не выходит за пределы сферы значений»³. Социальное существует в той мере, в какой значит – тут феноменологи безусловно правы.

Поясним сказанное на конкретном примере. Мужчина открывает перед женщиной дверь, пропуская ее вперед, уступая ей дорогу. Физически тут все очень просто: открывается дверь, хорошо, если без скрипа, меняется порядок прохождения дверного проема. Но ведь в действительности мы всего этого не видим, не замечаем – это на втором, если не третьем, плане, по сути за кадром. На первом, непосредственно воспринимаемом, актуально «работающем» плане здесь совсем другое: уважение к слабому полу, разыгрывание целого рыцарского спектакля перед прекрасной дамой. Вот что сидит, вот что мы непосредственно видим в этих прозаических дверях⁴. Но представьте себе, что в данной ситуации оказалась бы какая-нибудь матерая феминистка. Тогда скандала не избежать: «А почему я слабый пол, почему проходить должна первая...» На

³ Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. С. 20.

⁴ «Я постоянно, – справедливо ориентируют нас П. Бергер и Т. Лукман, – окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения моих партнеров, хотя у меня иногда и возникают трудности в связи с правильным пониманием того, что определенный объект “обозначает”» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 62).

языке политкорректности это означало бы господство мужчины над женщиной, сексизм – то, против чего следует бороться, что не отвечает уже духу современности.

Аналогично обстоит дело и с другими, вообще всеми социальными реальностями. Их нельзя свести к какому-то отстраненно-системному, структурно-функциональному набору или составу. Люди всегда вкладывают в них определенный смысл, на который тоже, если не преимущественно, и ориентируются. А это значит, что любое социальное явление нужно рассматривать с учетом того, как оно воспринимается, или понимается, людьми. Это понимание является определено законным компонентом его реального (и полносоставного) бытия. Понимание чего-то, в данном случае, находится не вне этого «чего-то», а в нем самом – как дополнение и вполне естественное продолжение. Выразимся несколько иначе: наши мысли *о* социальном остаются всегда *в* социальном на правах его вполне легитимной составляющей. И не только мысли, но и слова. Они тоже не только *о*, но и *в* – в социальном. В каком-то смысле мы действительно живем так, как говорим. Люди мыслят и говорят *об* обществе *в* обществе. Обобщая, можно сказать, что социальное, как континуум взаимоотношений между индивидами, представляет собой и то, как люди его понимают, какими значениями и смыслами наделяют. Важный нюанс: убрав усилительную частицу *и* перед *то* получим классическую этнометодологическую формулу – общество есть то, как мы его понимаем, – формулу, которую мы считаем неверной по причине явной абсолютизации пусть и существенного, но все же одного из компонентов социальной реальности.

Вернувшись теперь к нашему “*взаимо*”, связанному, как оказалось, со смыслами (значениями) и выполняемому вполне конкретными субъектами (лицами), мы можем быть уверены, что оно есть просто свернутое взаимопонимание. А это значит, что анализируемое нами взаимоотношение рано или поздно становится, непременно должно стать взаимопониманием. Становится, или разворачивается, как процесс качественный, органический, по имманентным, внутренне присущим ему законам. На него сориентировано, им структурировано любое социальное взаимоотношение. Без того или иного, пусть даже минимального или, скажем, превращенного, понимания субъектами своих отношений социальная реальность (как реальность человеческая, людьми создаваемая) просто не возможна.

Взаимопонимание – это способность двух и более субъектов схватывать и интерпретировать неким очевидным образом (одинаково) важную для них реальность. Не приходится доказывать, что в эту реальность

входит прежде всего ориентированное друг на друга поведение субъектов со всей его нормативно-ценностной инфраструктурой. Кроме него, здесь фиксируется также та или иная межсубъектная (между субъектами располагаемая) реальность. В этом плане, Ю. Хабермас прав, субъекты ссылаются на «что-либо существующее в *объективном мире*». Взаимопонимание перечеркивается или существенно осложняется различными иллюзиями, предрассудками, стереотипами, мифами, идеологиями, вообще предвзятостями.

Не будем только упрощать ситуацию. Как понимание, так и взаимопонимание не исчерпываются полным и контролируемым осознанием всех вовлеченных во взаимоотношение факторов, сил, обстоятельств. Иными словами, полностью рациональным, всецело «знаниевым» взаимопонимание быть не может. Это только надводная его часть – «структура». В подводной же его части, в инфраструктуре находится место также для экзистенциальной экспрессии, эмоций и страстей, дают о себе знать «предсознательные инвестиции интересов и бессознательные инвестиции желаний», другие элементы индивидуального и коллективного бессознательного, «работают» традиции, обычаи, привычки, статусные интересы, эмпатия (индивидуально-личностное сопереживание), телесно-чувственная перцепция, психологические установки, жесты, тон речи и т.д. Более того, данные инфраструктурные элементы могут выступать в функции квазисознания и конституировать взаимопонимание на основе, в частности, общей иллюзии или разделяемого всеми участниками заблуждения. Тем не менее, следует признать, что за взаимопонимание ответственно прежде всего сознание, его рациональное ядро, а не то, что находится под ним, рядом с ним или над ним. Более того, имплицитно (если очистить ситуацию от случайностей, различных наслоений, других привходящих обстоятельств) ситуация взаимопонимания складывается именно под знаком рациональности. Другие какие-то элементы, эмоции например, могут и отсутствовать или быть в большом дефиците, а вот рациональность, пусть и не полная, в чем-то ограниченная (речь об уровне или степенном градуировании), неотделима от взаимопонимания по определению⁵. И это понятно: родовое (видовое) определение

⁵ Стоит задуматься над следующими словами Ж. Делеза: «Люди сильно ошибаются в иррационализме, если верят, что эта доктрина противопоставляет разуму что-то кроме мышления: права данности, права сердца, чувства, каприза или страсти (“прекрасная душа” Гегеля). В иррационализме речь идет только о мышлении. То, что противопоставляется разуму, – это само мышление; то, что противопоставляется разумному существу, – это сам мыслитель». (Цит. по: *Карцев И. Жиль Делез. Введение в постмодернизм. Философия как эстетическая имажинация. М., 2005. С. 132.*)

человека – homo sapiens. Хотя нельзя отрицать и того, что взаимопонимание «не делится на разум без остатка».

Взаимопонимание, лишенное рациональности или намеренно (через ту или иную психологическую установку) дистанцированное от нее, надежным и устойчивым быть не может. Без рациональности взаимопонимание (именно потому, что оно развернуто на взаимность, требующую определенных аргументов) начинает скукоживаться, бледнеть, вянуть. Рациональность – главный канал поступления интересубъективности во внутренние русла взаимопонимания. Важно подчеркнуть здесь следующую мысль. Рациональность, как и взаимопонимание в целом, – отнюдь не сплошная («укутывающая») характеристика или пленка социального. Это, скорее, некие его узлы или сингулярные кристаллизации. Дискретные точки на интегрально-общем теле социального. Но они способны сообщаться – как раз благодаря своей взаимности. И в результате получается, пусть где-то только пунктирная, сетевая взаимопонимательная структура социального. Ею как молнией прорезается и тем высвечивается весь массив социального, все его напряжения и конфликты, все его видоизменения и превращения. В конце концов, взаимопонимание служит и для них нормативным ориентиром.

Взаимопонимание является своеобразной телеологией социального. Только не надо понимать его упрощенно, в духе некой конечной цели, по достижении которой закрывается всякая перспектива мыслить и действовать дальше. Разумеется, в каких-то цепочках-нитях человеческих отношений взаимопонимание может и кончатся, обрываться. Но мир социального представлен мириадами (целой сетью) таких цепочек. И обрыв одной или нескольких из них не отменяет общую, объективную логику движения к взаимопониманию. Telos взаимопонимания в целом дискретен (множество конкретных целей конкретных ситуаций) и транзитивен (любая конкретная цель рано или поздно уступает место, сменяется другой, следующей). Видимо, можно ставить вопрос о постепенном, пусть и не линейном, накоплении потенциала понимания, об историческом восхождении ко все большему взаимопониманию. Финализм, непреодолимая остановка не грозит взаимопониманию и по следующим соображениям. Взаимопонимание никогда не бывает совершенно полным, а потому самодостаточно статичным, исключаяющим всякую двусмысленность и неопределенность. Значит, можно и нужно всегда что-то дополнять, уточнять, углублять, причем с обеих сторон. Не полностью, не до конца реализованная цель порождает стимулы и мотивы к поиску дополнительных ресурсов и приложению новых усилий. Кроме того, всегда сохраняется тенденция к расширению числа сторон, т.е. круга участ-

ников, тех, кто стремится к взаимопониманию, а у них все начинается с самого начала. Через это динамика взаимопонимания не только не уменьшается, напротив, интенсифицируется, возрастает.

Социально-онтологический статус взаимопонимания не исчерпывается только целью или результатом (как реализованной целью). Взаимопонимание завязывается и сопровождает взаимоотношение людей на всем протяжении его процессуального бытия. На выходе, в результате, оно становится просто более концентрированным и очевидным. Интересно в данной связи обратить внимание на семантику английского взаимопонимания — (*mutual*) *understanding* («стоящее под»). Если придерживаться буквальной логики, то без данного процессуального *under*-понимания не было бы, видимо, и конечного *over*-понимания (*overstanding*, хотя такого слова, с таким смыслом, в английском языке и нет). Взаимопонимание есть единство процесса и результата выявления (вкладывания) смысла в контексте ситуации, создаваемой взаимоотношением людей. Для того, чтобы оно состоялось или было успешным, требуется выполнение, как минимум, двух условий: 1) отказ от абсолютистских претензий, т.е. релятивизация пониманий с обеих (всех) сторон; 2) кросспекция, или открытость автономных и равноправных пониманий для проникновения взгляда Другого.

Заговорив о процессуальности человеческих взаимоотношений, мы вновь открыли перспективу для их трактовки в терминах взаимодействий. Однако воспользоваться ею нам вряд ли придется. Дело в том, что она противоречит другой перспективе, перспективе взаимопонимания, которая разворачивается как переход от субъективности к интерсубъективности. Ясно, что в свете движения к интерсубъективности более адекватны не действия — рассредоточенные, слишком индивидуальные, даже своевольные, — а отношения, как сопрягающие их внутренние структуры, выстраиваемые в чем-то (об этом — ниже) и независимо от сознания и воли вовлеченных в них индивидов. Не будет также преувеличением сказать, что (человеческие) действия получают свою определенность, полноценно существуют только в контексте или среде (общественных) отношений.

Интерсубъективность есть род коллективной реальности, выходящей за границы индивидуального, разделяемой по меньшей мере двумя субъектами и нормативно влияющей на образ мыслей и действий некоторого множества людей, в пределе — всего общества. Интерсубъективность — максимальная и единственно достижимая форма объективности, а также всеобщности и необходимости в человеческих делах и начинаниях (взаимоотношениях). Ее можно считать также мерой согласия среди лю-

дей относительно значимости тех или иных событий — как практического, так и теоретического характера. Именно в интересубъективности концентрированно выражается процесс освобождения социального от разделенности его составных частей, или ограниченностей общественного (система) и человеческого (жизненный мир).

В эпоху Модерна (Кант, Фихте, Гуссерль и др.) проблему интересубъективности спасала «вполне обоснованная» вера в реальное существование трансцендентального Я⁶. Но сегодня у этой веры нет никакого доверия — вместе с антифундаментализмом и кризисом репрезентации поплыла, оказалась под вопросом вся прежняя трансцендентность (трансцендентальность). Да и не могло быть по-другому. В ситуации «смерти Бога», атеистической деконструкции теизма, необратимого «расколдования мира», восстания частей против целого, борьбы явлений с сущностью — в такой ситуации говорить о существовании подлинной, метафизически вынесенной в смысле Платона реальности наивно и консервативно. Но прежде всего — банально. Увы, до завершения движения от мифа к логосу, начавшегося в древнем греко-римском мире, нам все еще далеко. В то же время без тех или иных универсалий, одинаково понятных и потому принудительных для отдельных субъектов, в дискурсах современности не обойтись. Для производства таких универсалий, полагаем, вполне достаточно земных человеческих инвестиций.

Для интересубъективности не нужно искать каких-то потусторонних (относительно социального) сил, не нужно превращать вполне светские нормы в трансцендентно-сакральные заповеди. Здесь уместно заметить, что со времен Олимпийских игр в западной культурной традиции моделью творческой и состязательной жизни всегда был (и остается) спорт и его правила игры. Спортивные правила игры как-то соотносятся с «объективной» природой игровой реальности, но вообще-то это продукт договора, человеческие установления, определенные конвенции. Их чтут как раз за согласованную сущность, за прозрачно человеческое происхождение. Необходимость единого, т.е. разделяемого всеми участниками, понимания и столь же единодушного соблюдения таких правил никем не оспаривается и под сомнение не ставится. Ситуация интересубъективности безусловная. По, несомненно, оправданной аналогии рассуждая, все правила нашей жизни, все прочие ее скрепы и значимости носят спортивно-интерсубъективный характер. Онтологическая убедительность

⁶ История вопроса об интересубъективности прекрасно изложена в: *Огурцов А.П. Интересубъективность как поле философских исследований // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 1, 2 (34, 36).*

реальности – оттого, что она исходно спортивная (игровая), – несколько не страдает. Более того, она даже симпатичнее, ибо это онтология с человеческим лицом.

Разумеется, любые правила, в том числе и «спортивные» правила жизни, не застрахованы от дисфункциональности и девиантности, к тому же они рано или поздно пересматриваются. Что не удивительно. Социальное – реальность массовой, пусть и сингулярно диффузной, детерминации. Организуют и направляют ее не динамические (доходящие до каждого отдельного случая) законы, а «законы» больших чисел, статистически-вероятностные связи и зависимости. Отступления, уклонения, нарушения здесь присутствуют, должны быть по определению. Но они только подтверждают общее правило. Витализм общего не может и не обходится пока без мортализма единичного (единичностей).

Продолжим сказанное в других терминах. Если в наше время объект, сущность, означаемое, «действительное положение вещей» или «как на самом деле» уже не обладают былой определенностью, у них нет прежнего онтологического авторитета, то в силу вступает то, что все это заменяет, – некая эпистемологическая процедурная реальность. В виде предельно четкой идентификации проблемы, аналитико-понятийного сопровождения ее разработки, а также беспощадного извлечения всех следствий и последствий (микроанализ) ее «окончательного» разрешения. Указанная процедурность повышает доверие к конструкту intersубъективности, насыщает легитимной принудительностью (нельзя отрицать или не признавать) его функциональное бытие.

Учитывая место и роль взаимопонимания в структуре отношений-взаимодействий между людьми, его можно считать не просто неотъемлемой составной частью социального, а сущностной определенностью последнего. И тогда не покажется неправомерной мысль о том, что корнем социального, тем, чем оно питается и из чего растет, является как раз взаимопонимание. Оно представлено прежде всего согласием относительно базовых ценностей общества. Без такого согласия, заметим, общество стабильным и нормальным считаться не может. Оно, далее, являет себя в качестве ценностно-консенсусного основания социальных институтов. Впрочем, имеет ли смысл перечислять отдельные направления и сферы локализации взаимопонимания – оно ведь фиксируется во всех формах человеческого общежития, по всему полю или пространству социального. Разумеется, взаимопонимание нужно не для созерцания, пусть и совместного, тех или иных ценностей, а для согласования последующих действий, для жизненно-практической продуктивности взаимодействия (взаимоотношения) в целом.

Если сузить вопрос до его проблемно-предметной сути и развернуть на уже представленное нами отличие социального от экономического, политического и т.д., то можно говорить о цели («для чего») самого взаимопонимания. Резонно ориентироваться здесь на преемственное поддержание самой способности людей общаться, вступать в контакт, вести диалог друг с другом – словом, на продолжение (расширение и углубление) взаимоотношений и связанного с ними взаимопонимания. На фоне процессуальной самодостаточности человеческого взаимопонимания все «сферные» (экономическое, политическое и пр.) его формы оказываются, по сути, инструментальными. И это понятно: главное – человек и историческое воспроизводство человеческого, все остальное является лишь средством, выполняет служебную, вспомогательную роль.

Сущность консенсуса, или согласия, для социального не должна пониматься упрощенно и линейно. Вполне легитимны в рамках социального и прямо противоположные случаи, убедительно свидетельствующие о возможности взаимопонимания и в ситуации разногласия, дисконсенсуса, ведь главное здесь – ясное осознание (понимание) сложившегося баланса сил, артикуляция и признание самого факта расхождения (взглядов, позиций и т.д.). «Взаимосоотноситься» – не обязательно соглашаться; можно, а иногда и нужно сопротивляться, мужественно отстаивая свои убеждения, принципы, взгляды. Мы не ошибемся, если скажем, что социальное есть диалог различий, конкуренция их аргументационного обеспечения. Вообще взаимопонимание, имеющее дело с различиями, само может быть различным: дескриптивным (беспристрастное, нейтральное, но адекватное понимание позиций друг друга) и прескриптивным (понимание с признанием и частичным заимствованием «другого», что, как правило, дается нелегко и требует некоторого нормативного принуждения). Прескриптивное, пожалуй, даже превалирует. Иначе говоря, взаимопонимание – это не фактуальная (фактически данная), а нормативная (к которой надо еще стремиться) цель. Оно являет нам логику субъектной перспективы, а не какого-то объективного («несогласного тащит...») целевого завершения. Своей нормативностью, как направляющей силой, взаимопонимание притягивает (подтягивает) к себе и все конфликтные (девиантные, деструктивные) случаи или ситуации социального.

Взаимопонимание – род субъективности, которая, как показал Ж.-Л. Нанси, «способна принимать свое иное или свою инаковость (мир, вещи, других субъектов, бога и т.д.) как свое»⁷. Как раз иным, инаковос-

⁷ Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem⁹³. Ежегодник Лаборатории постнеклассических исследований ИФ РАН. М., 1994. С. 153.

тью в случае взаимопонимания выступают взаимодействия и взаимоотношения индивидов. Выступая в качестве своего, они становятся своеобразным внешним внутреннего, в качестве которого выступает само взаимопонимание.

Учитывая международную терминологическую номенклатуру по проблеме социального, отношения, телеологически ориентированные на взаимопонимание, резонно называть коммуникацией. Коммуникацией, естественно, человеческой, а не технической, под которой принято понимать пути и средства сообщения, линии связи — словом, движение, передачу-прием информации. Интересно заметить, что исторически теория коммуникации возникла как приложение теории информации в ее инженерной определенности к сфере человеческих взаимоотношений. Но информация в коммуникации остается. И место у нее там специфическое — она отвечает за эффективность, в отличие от собственно коммуникации, нацеленной на взаимопонимание. Акцентируя «взаимопонимательный» аспект коммуникации, или структурируя всю коммуникацию под взаимопонимание, получаем на выходе коммуникативность. Еще одно важное уточнение: мы отличаем коммуникацию от (психологического) общения как индивидуальной, эмоционально и чувственно насыщенной связи. Социальное, в нашем понимании, состоит не из «общений», а из отношений, коммуникативных и интерсубъективных по своей природе. Хотя из соображений стиля, а также считаясь с традицией, мы эти понятия — «коммуникация» и «общение» — будем употреблять иногда взаимозаменяемо, как синонимы⁸.

Согласившись с предложенным выше «переводом», можно смело утверждать, что социальное носит коммуникативный характер. Из коммуникативности с ее интерсубъективным взаимопониманием, как из стержневого своего корня, и растет в конечном счете все социальное, вся социальность. Разумеется, социальность внутренне дифференцирована, ее отличает многозначность и разноликость. Ровно теми же чертами обладает и порождающая ее коммуникация — полноставности и стандартной добротности от нее тоже ожидать не стоит. Однако говорить о не-коммуникации, по примеру Бодрийяра, мы считаем неоправданным. Не-коммуникация для французского мыслителя — это ситуация нетранзитивности, когда слово в сфере медиа остается без ответа («в безответности, в безответственности»), когда «речь

⁸ Как для расширения горизонта проблемы можно наметить и такую перспективу: коммуникация есть цивилизованное, на рациональность и ее аргументационные стандарты возвращенное общение-отношение между людьми.

говорится так, что на нее никогда не может быть получен ответ», «если только он не примет форму симуляции ответа»⁹. На самом деле ответ здесь есть, пусть и в форме молчания или даже полного безразличия. Молчит ведь человек (хоть «частичный», но субъект), а не камень («полный» объект). Симуляция ответа, о котором говорит Бодрийяр, опять же не есть полное отсутствие ответа. Это просто другой и явно субъектно-человеческий ответ. Коммуникация со знаком минус остается все же коммуникацией – не по нормативному определению, а по онтологическому своему статусу.

Известная округлость заключительной формулировки не должна, однако, нас успокаивать, т.е. создавать впечатление, что все уже здесь выявлено, стало доступным, обрело четкость и ясность. Как и всякий реальный жизненный процесс, рост социального далек от линейности или кумулятивной выпрямленности, в нем задействовано много разных обстоятельств, условий и факторов. Наибольшее проблемное напряжение создается здесь взаимопониманием – главным компонентом коммуникации, а значит и социального как такового. Важно избежать телеологического овнешнения этого компонента, т.е. вынесения взаимопонимания как цели за пределы самой коммуникации. Взаимопонимание – необходимый внутренний элемент коммуникации, коммуникации успешной, если быть точным. Будучи целью, взаимопонимание находится не вне коммуникации, а в ней самой – это ее энтелехия. В социально-технологическом, или естественноисторическом, плане взаимопонимание служит продолжению коммуникации, а если принять ее индивидуально-дискретный характер, – переходу от одного коммуникативного акта к другому.

В возможности или перспективе взаимопонимания, на наш взгляд, концентрированно выражается вся лумановская «невероятность коммуникации». Остановимся на этом подробнее

До сих пор мы рассматривали социальное в его собственных, самореферентных, аутопойетических по Н. Луману, границах. И это было правильно. Предметная чистота способствует выявлению действительной, или специфической, сущности исследуемой реальности. Важно было оставаться в рамках общественно-человеческого многообразия, в пределах социального качества (поля, пространства). Трудно ведь освободиться от соблазна (логически вполне оправданного: важно во всем доходить до конца) экstrasоциальных факторов – биологических, демографических, географических и т.п., лежащих якобы в основе социальной реальности,

⁹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003. С. 186.

социального как такового¹⁰. Мы, в частности, не можем согласиться с необузданным расширением социального за счет социальности животных и даже растений¹¹.

В свете очерченной таким образом логики понимания проблемы встает один «завершающий» вопрос: а можно ли удовлетвориться осмыслением социального в его имманентно специфической определенности (сущности)? Или, иначе, возможна ли строгая и беспредпосылочная коммуникация? Казалось бы, ответ должен быть положительным. Социальное живет самореференциальными различиями и различиями. Много объясняется их лишь воображением ограниченной комбинаторикой. Много, но, увы, не все. Переход от различий (в позициях, мнениях и т.д.) к взаимопониманию и согласию так и не становится прозрачным. Иными словами, «нет» различий не кристаллизуется, скажем мягче, с трудом трансформируется, в «да» взаимопонимания. Коммуникация, замкнутая на самое себя, являет нам нечто вроде коммуникативного солипсизма или «экстаза коммуникации» (Ж. Бодрийяр). В действительности здесь должны быть некие объективно (априори) заданные ресурсы вне и помимо актуальных усилий конкретных субъектов (коммуникантов). Некие структурные инвестиции в ситуацию коммуникации и взаимопонимания. И это заставляет думать, что замкнуться на специфическом, игнорируя неспецифическое (трансцендентное специфическому), нельзя. Или, уже в духе Лумана, что граница социального двусторонняя: есть в ней внутреннее (предметно наблюдаемая реальность) и внешнее (как правило, отсекаемая или игнорируемая реальность). Для исключения возможного недопонимания нашей позиции, уточним понятие «внешнее» здесь. Внешнее социального — это не обязательно или не только что-то природно-естественное, хотя есть в нем и такое. На самом деле это все то, что действует в ситуации коммуникации объективным — помимо сознания, воли и желания коммуникантов — образом. Действенность такого внешнего не зависит от того, где оно собственно располагается — в границах «общего массива» коммуникации или вне их.

Внешняя и внутренняя стороны (границы) социального, на наш взгляд, связаны отношением диспозиционности (лат. *dispositio* — пред-

¹⁰ Для тех же, кто в объяснении (понимании) социального все-таки старается выйти за его пределы — в так называемую Универсальную историю, в которой задействованы сразу история человечества, история возникновения и развития жизни на Земле, геологическая эволюция, космогония, — для любителей или сторонников такого подхода советуем посмотреть: *Никонов А.* Заметки о конце света // <http://www.ogoniok.com/> 4923/28.

¹¹ Обширный материал по этому вопросу читатель найдет в: *Прохоренко Ю.И.* Социальная реальность: методологические аспекты исследования. Хабаровск, 2004. С. 150-166.

расположение). Предрасположение (реагировать определенным образом в определенной ситуации), вне сомнения, — главный семантический корень «диспозиционности». Но их, этих корней, здесь много, тем более с учетом коннотативных связей и переплетений. Диспозиционность есть некая потенциальность, переходящая в актуальность в соответствующей коммуникативной ситуации. Если бы мы были сторонниками объективной целесообразности природы (всего сущего), то, вслед за Аристотелем, сблизили бы диспозиционность с целью или имманентной формой, к которой стремится, в направлении которой развивается любая вещь. Диспозиционность различима также в платоновском припоминании (мира Идей) как неперменном условии успешности любого познавательного акта. Обращаясь к языку Канта, можно сказать, что диспозиционность есть та составляющая (определенность) вещи-в-себе, которая аффицирует чувственность человека, а через нее — и весь его рассудочно-разумный мир. Диспозиционность — это некое «в-себе-действующее» объекта и «из-себя-действующее» субъекта.

На субъектном языке диспозитив есть некая склонность, восприимчивость, а если сблизить «предрасположенность» с «расположением» (исходное *dispositio* делать этого не запрещает), то дополнительно еще и симпатия, хорошее настроение — словом, то, что вызывает благоприятное отношение к перспективе сближения позиций, выработки согласованного решения, в финальном же счете — взаимопонимания. Предрасполагающая и располагающая детерминации диспозитива (релевантного коммуникации, коммуникативного) очень мягкие. Никакой заданности, а тем более принуждения, к взаимопониманию в них нет. На нашей стороне здесь сам язык. В позднелатинской семантике однокоренного *dispositivus* — (переводится как «распоряжающийся») — содержится указание на право действовать по своему усмотрению, допущение или разрешение выбора.

Диспозиционность — предельно мягкая и пластичная форма детерминации. Сила ее действия не идет дальше условия, обстоятельства, общей обстановки, контекста. Но и это еще не все. Логика диспозиционности не есть просто действие, или линейное проявление силы причинения, — это именно и в прямом смысле взаимодействие. Взаимодействие как особая, по сути, новая реальность, функционально расширяющая онтологический горизонт структурно вовлеченных в нее сторон. Без взаимодействия мы бы никогда не узнали о диспозиционности. Актуализация взаимодействия есть одновременно и переход диспозиционности в детерминированность.

Диспозитивы, как и те различия, которые они «располагают», упорочивают, демонстрируют нам свою многоликость. Они могут быть

природно-эволюционными и социально-историческими¹², универсально-глобальными и индивидуально-локальными. Если внимательно приглядеться, то мы найдем диспозитивы, диспозиционность чуть ли не во всех «предикатах» нашего бытия. Диспозитивы, как естественные (продукт природной эволюции), так и искусственные (продукт истории, объективно итожащий все ту же коммуникацию), являются своеобразным предпониманием для всех конкретных взаимопониманий.

Верные своему социально-философскому подходу, т.е. поиску «предельной реальности», мы и диспозитивы рассматриваем в этой же, «предельной», определенности. В противном случае можно и нужно было бы говорить здесь о средствах и условиях успешности коммуникации. Или, как это сделал Т. Парсонс, о символически генерализированных посредниках обмена (*media of interchange*): деньгах, власти, влиянии, ценностных ориентациях¹³. В перспективе нашего подхода все такие посредники (условия, средства) входят, притом актуальным образом – на правах составных элементов, в ситуацию коммуникации. У них нет того латентного потенциала, которым отличаются диспозитивы предельно-реальностного типа.

Перечень диспозитивов социального – того, что благоприятствует, содействует, помогает состояться коммуникативному взаимопониманию, очень много. И по уровню, и по содержательному наполнению, и по форме. Назовем некоторые из них. Вот, например, антропный принцип. В нем выражается эволюционная предрасположенность Вселенной к существованию в ней людей («наблюдателей»). При других численных значениях ряда фундаментальных физических констант ни человека, ни общества, а следовательно и «уравнивающего» их социального так бы никогда и не было. В рамках обсуждаемой проблемы это, конечно, самое далекое и явно фоновое «предрасположение», но сбрасывать его со счетов тоже нельзя. Если есть некое эволюционное «принуждение» к наблюдению, то можно допустить, что в нем содержится и перспектива определенного единства – для мыслящих и коммуницирующих субъектов. Своеобразным дополнением к антропному принципу можно считать эволюционную эпистемологию К. Лоренца, раскрывающую эволюционно-наследственную предрасположенность человека мыслить в адаптационно-априорных формах. «Априори, – пишет австрийский биолог и философ,

¹² История берется здесь в той ее части, которая складывается объективно, сама по себе – как все та же эволюция (Подробно о соотношении истории и эволюции см.: *Ingold T. On the Distinction between Evolution and History // Social Evolution & History. M., 2002. Vol. 1. № 1.*)

¹³ Н. Луман включает в этот же понятийный ряд истину – для системы науки, и любовь – для интимных отношений (*Луман Н. Невероятные коммуникации // http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_c.shtml*).

– базируется на центральной нервной системе, которая столь же реальна, как и вещи внешнего мира, чью феноменальную форму оно (априори) задает для нас. Этот центральный нервный аппарат предписывает законы природе не в большей степени, чем лошадиное копыто предписывает грунту его форму... Но, как и лошадиное копыто адаптировано к степному грунту, с которым оно взаимодействует, так и наш центральный нервный аппарат для формирования образа мира адаптирован к реальности, с которой вынужден контактировать. Подобно любому другому органу, этот аппарат приобрел свою целесообразную видосохраняющую форму посредством взаимодействия с реальностью в ходе генеалогической эволюции, длившейся множество эпох¹⁴.

Применительно к обществу антропный принцип можно конкретизировать в духе Ж.-Л. Нанси как «шифр онтологии» – реальность изначального, истокового характера. М. Хайдеггер видел в этом шифре событие как «заботливое размыкание другого», «понятность других», как основу здесь- или Я-бытия. «Другие», – читаем в «Бытии и времени», – означает не то же что: весь остаток прочих помимо меня, из коих выделяется Я, другие это наоборот те, от которых человек сам себя большей частью *не* отличает, среди которых и он тоже. Это тоже-присутствие с ними не имеет онтологического характера «со»-наличия внутри мира. «С о» здесь присутствиеразмерно, «т о ж е» означает равенство бытия как усматривающе-озаботившегося бытия-в-мире. «С о» и «т о ж е» надо понимать *экзистенциально*, а не категориально. На основе этого *совместного* бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими. Мир присутствия есть *совместный-мир*. Бытие-в есть *со-бытие* с другими. Внутримирное по-себе-бытие есть *соприсутствие*¹⁵. Сам Нанси представляет данный шифр так: «Истина *ego sum* заключается в *мы существуем*, и это «*мы*» произносится людьми в отношении всех сущих, с кем «*мы*» есть, для любого существования как бытия-сущностно-вместе, как бытия, сущность которого есть *вместе*»¹⁶. Если «вместе» является сущностной чертой бытия, постоянно умножаемой соположенностью и идентичностью, то резонно полагать, что оно диспозиционно будет охватывать собой всех участников коммуникации – ближних (лицом к лицу) и дальних, актуальных и потенциальных (виртуальных). Тоже что-то фоновое, на уровне убегающего горизонта, но реально сказывающееся.

¹⁴ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 21.

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 118.

¹⁶ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. Мн., 2004. С. 62.

Достаточно эвристичную, в чем-то близкую Нанси и Хайдеггеру позицию в вопросе о диспозиционности занимает М. Фуко. Для него диспозитив есть гештальтный инвариант или изоморфизм стратегий власти и знания, принятых (распространенных, культивируемых) в том или ином обществе. В развиваемой Фуко концепции диспозитива есть один очень симптоматичный момент — указание на то, что важнейшая функция диспозитива — «ответить на некоторую неотложность»¹⁷. Такая неотложность применительно к предмету нашего исследования достаточно очевидна — это настоятельная необходимость поиска ответа на вопрос «как возможно, на что конкретно опирается коммуникативное взаимопонимание?» В ситуации дивергентных коммуникативных актов, столь характерных для наших дней, данный вопрос приобретает особую остроту.

Еще один фундаментальный диспозитив — единая или универсальная природа человека. Будь она расколота на отдельные, совершенно уникальные «виды», человечество и думать бы не смело о едином коммуникативном пространстве, но ведь сегодняшняя глобализация демонстрирует нам обратное. Да и в истории есть прецеденты, то же «осевое время» с его указанием на возможность универсальной человеческой коммуникации. Но можно опуститься и на более низкий уровень — не природа человека (сущность самого глубокого порядка), а природное в человеке. Функционально-диспозиционная поддержка с его стороны здесь тоже уместна. Мы не удивимся, если со временем будут открыты гормоны взаимопонимания. Ведь найдены уже гормоны счастья — эндорфины. Правда, неясно: мы счастливы, потому что организм выработал эндорфины, или эндорфины вырабатываются, потому что мы счастливы? Непреложным в любом случае остается факт их соотносительности. Соотносительности функциональной — зафиксировать это принципиально важно, ибо на уровне или в плане структуры, своеобразного тела диспозитива, мы дальше субстрата, субстратности продвинуться (возможно, пока) не можем. Из универсальной природы человека ближайшим и релевантным нашей проблеме образом следует, что все партнеры по коммуникации в одинаковой степени личности и имеют равное право «притязать на». Природа человека — та основа, которая делает возможным само наше существование (как людей) и общение с другими.

Диспозитив — это также маклюэновский Медиум (the Medium), который несет в себе определенное Послание (the Message). Коммуницирующие субъекты посылают друг другу послания, а общее Послание, предпо-

¹⁷ Цит. по: Постмодернизм: Энциклопедия. Мн., 2001. С. 242.

нимательно (с внешней точки зрения — с помощью средств, технически) их объединяющее, уже, оказывается, есть — остается только его понять.

В круг рассматриваемых нами диспозитивов попадают и три априори из трансцендентальной прагматики К.О. Апеля: телесное — предструктура понимания как некая досознательная понятийность бытия-в-мире; языковое — невычитаемость языка — этой «артикулированности мироощущения» — из сознания; коммуникативное — интересубъективное значение (понимание) коммуникативного сообщества¹⁸. Вообще прагматика, не претендующая на фундаментальность, может и не подвигать к поиску предельных оснований. Более того, речь может идти о своеобразном прагматическом вынесении за скобки таких оснований. Вполне определенно на этот счет высказывается Ю. Хабермас: «Целеобразная практика и языковая коммуникация берут на себя в плане концептуальной стратегии совершенно иную роль, нежели та, которая принадлежала саморефлексии и философии знания; их обосновывающая функция сводится к тому, что они позволяют установить недопустимость потребности знать основания»¹⁹. С названными априори продуктивно резонирует позиция Ю. Кристевой, определяющей диспозитив (семиотический) как интегральный транстекстуальный инвариант означивания²⁰.

Весьма эффективным диспозитивом коммуникации и взаимопонимания, как ее имманентной цели, можно считать также «фоновые ожидания», или неартикулированные допущения культуры, которые позволяют нам вести «нормальную» беседу²¹.

Диспозиционен, несомненно, сам дискурс коммуникации. Уж коли он идет (а идет — здесь нет сомнений), то в самом этом факте уже содержится возможность его состоятельности — того, что люди в принципе могут выйти на дорогу взаимопонимания. И пусть это движение от должного к сущему — для коммуникативных взаимоотношений оно естественно. Процессуальность (что он начался и продолжается) самого дискурсивного факта коммуникации создает некую проспективно-контекстуальную интуицию предпонимания. Несущие конструкции дискурса коммуникации представлены принципами плюрализма, диалога, толе-

¹⁸ См.: *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 206, 260, 261, 297, 303-304, 313, 329.

¹⁹ Цит по: Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 211.

²⁰ См.: Постмодернизм: Энциклопедия. Мн., 2001. С. 243.

²¹ Подробно о фоновых ожиданиях см.: *Garfinkel H.* A conception of, and experiments with, "trust" as a condition of stable concerted actions // *Harvey O.J. (ed.)* Motivation and Social Interaction. N.Y., 1963.

рантности и т.п. Сознательно-установочный потенциал подобных принципов, несомненно, содействует достижению взаимопонимания.

В диспозиционности дискурса коммуникации мы имеем дело не с феноменом как таковым, а с некой позицией. Но если эта позиция насыщается как следует рефлексивностью, максимально сближающей субъективное и объективное, то она становится фактом сознания, а через это — и феноменом коммуникации.

Диспозитивы предрасполагают и в этом смысле объективно объединяют людей, превращая общество в сообщество. В сообществе легче проходят, быстрее воспринимаются и адекватнее понимаются все коммуникативные сообщения. Перед нами классическая ситуация работы «по умолчанию». Что-то принимается актуально, в форме вербализации и рационализации, а что-то — потенциально, непроявленно, подспудно. «Диспозитивное» сообщество ни в коем случае не тоталитарная целостность. Нет, сообщество, как и общество, продолжает состоять из различных сингулярностей. Просто диспозитивы делают более устойчивым и очевидным их онтологическое взаимоотношение или сцепление.

Все диспозитивы, частично названные выше, входят в инфраструктуру коммуникативной структуры. Онтологический статус у них один — возможностный. То есть любой из диспозитивов есть некоторая возможность. Перевод данных возможностей в действительность не носит автоматического или механического характера. Все в конечном счете упирается в реальные — деятельные, деятельностьные — взаимоотношения между людьми. И не просто во взаимоотношения, а в их особый, императивный настрой — на поиск взаимопонимания, на его жизненную необходимость.

Подводя теперь итог проделанной работе, можно с определенностью настаивать на том, что природа социального не вообще-деятельностная и не просто-коммуникативная, а диспозиционно-коммуникативная. Именно диспозиционность вписывает социальное в общую структуру мира и одновременно обеспечивает адекватное концептуальное понимание его специфики. Кроме того, диспозиционный разворот коммуникативного (в целом) подхода к социальному позволяет избежать односторонностей или крайностей уже в отдельных, относительно самостоятельных (аспектных) его интерпретациях.